

Заключение

Вперед или назад?

Противоречивые результаты модернизации

Демографические результаты российского XX века противоречивы, огромные достижения соседствуют здесь с огромными провалами.

На одной чаше весов — успешное, пусть и с некоторым опозданием, включение в общемировой процесс демографического перехода, на другой — необычная инверсия его основных этапов, череда демографических катастроф, в результате которых падение рождаемости опережало снижение смертности. В итоге страна навсегда лишилась обычного в таких случаях прироста населения и подошла к завершающим стадиям перехода без всяких «демографических накоплений».

На одной чаше весов — быстрое и успешное, хотя и с упомянутой инверсией, прохождение многих ключевых этапов демографического перехода, на другой — остановка на полпути, явная незавершенность этой важнейшей социальной трансформации. В результате, с одной стороны — небывалое снижение смертности, удвоение продолжительности жизни, с другой — неспособность закрепить и развить успехи в борьбе со смертью, новое нарастающее отставание от «западных» стран по уровню смертности и продолжительности жизни и связанные с этим громадные демографические потери в мирное время.

На одной чаше весов — резкое повышение экономичности и социальной управляемости воспроизводства населения, ход которого теперь в гораздо меньшей степени зависит от неподконтрольной обществу смертности. На другой — использование доступного человеку контроля рождаемости для ее сокращения намного ниже уровня простого замещения поколений. В результате к концу XX века население России уже 35 лет не воспроизводило себя и не было никаких признаков изменения этой ситуации, а в последнем десятилетии века естественный прирост населения России стал отрицательным, и началась его прямая убыль.

На одной чаше весов — возникновение предпосылок невиданного расширения индивидуального демографического выбора и суверенитета институтов частной жизни — семьи, брака и т.п. — как объективное следствие демографического перехода, на другой — постоянные попытки тоталитарного и патерналистского государства или его рудиментов ограничить и такой выбор, и такой суверенитет. В результате — ослабление внутренних сил семьи или других институтов и форм организации частной жизни, их способности отстаивать свои интересы в конкуренции с другими социальными институтами в новых исторических условиях.

На одной чаше весов — небывалое ослабление бремени демографической необходимости и раскрепощающее влияние этих перемен на женщину и семью, на другой — неумение распорядиться этим историческим выигрышем, многолетнее стремление использовать его исключительно в интересах советской мобилизационной экономики. В ре-

зультате — массовое вовлечение женщины в «общественное производство» практически наравне с мужчиной и блокировка развития современных семейных и феминистских ценностей, соответствующих новым, созданным демографической модернизацией возможностям.

Все эти противоречия, с которыми Россия подошла к началу XXI века, имеют двоякую природу.

Одни из них обусловлены особенностями советской догоняющей модернизации. Как и всякая догоняющая модернизация, она была основана, по крайней мере частично, на использовании уже готовых социальных и технологических достижений более продвинутых стран. Эти достижения заимствовались выборочно, фрагментарно, без того «социокультурного бульона», на котором они первоначально выросли. Поначалу казалось, что прививка желанных ростков модернизации к иному социокультурному и экономическому стволу прошла успешно, новое растение бурно пошло в рост, но когда оно выросло, оказалось, что оно не способно плодоносить. Именно так было со снижением смертности. В советское время Россия довольно быстро прошла ранние этапы эпидемиологического перехода, когда главные успехи достигались за счет внедрения «сверху» заимствованных медицинских и санитарных технологий, новейших лекарств и т.д. Но дальнейшая модернизация процесса вымирания поколений, ведущая к оттеснению все большего числа смертей к более поздним возрастам, требовала изменений в массовом поведении населения, для которых еще не было необходимой социальной и культурной почвы, и никто не спешил ее создавать. Соответственно эта часть демографической модернизации в России, равно как и в других постсоветских и ряде «постсоциалистических» стран, осталась незавершенной.

В мире есть очень много стран догоняющей модернизации, которые находятся намного дальше от завершения демографического перехода, чем Россия. Этим в решающей степени определяется вся общемировая ситуация, которая подталкивает к завершению демографической модернизации, несмотря на серьезные препятствия на этом пути.

Но рядом с проблемами завершения демографического перехода стоят и другие, которые вытекают из противоречий иного рода и сохраняются и после того, как переход завершен. И эти проблемы, и эти противоречия тоже очень важны для России, но на этот раз они связаны с теми направлениями ее неравномерного перехода, на которых она продвинулась достаточно далеко. Они не специфичны для России, а в большей или меньшей степени знакомы всем индустриальным и городским обществам, особенно тем из них, которые столкнулись в XX веке с тоталитаризмом, государственным или клерикальным давлением на частную жизнь граждан.

Среди них несомненно главное место занимает характерное для всех постпереходных стран падение рождаемости ниже уровня простого замещения поколений и неспособность без миграционной подпитки не только обеспечить демографический рост, но даже поддерживать численность их населения неизменной. Положение усугубляется тем, что депопуляционные тенденции в развитых странах набирают силу на фоне стремительного роста населения развивающегося мира из-за слишком медленного приспособления уровня рождаемости к быстро снижающемуся уровню смертности и резко выросшего коэффициента замещения поколений. И то, и другое — суровая реальность, с которой человечество

вступило в XXI век. Она способна очень сильно повлиять на глобальный расклад сил, на соотношение мировых политических, экономических и культурных полюсов, на весь облик мира, в котором мы живем.

Любая страна, любое общество должны быть готовы к этим переменам, с тем чтобы минимизировать возможные потери и увеличить возможные выигрыши. А для этого нужны трезвый взгляд на меняющийся мир и ясное понимание тех вызовов, на которые придется отвечать в нынешнем столетии.

Россия пытается найти свои ответы на эти вызовы, причем здесь довольно широко распространено мнение об исключительности российской демографической ситуации, равно как и об исключительности путей, ведущих к ее преодолению. Много говорится и пишется о «вымирании русского народа», о «демографическом кризисе» и чудесных способах выхода из этого кризиса. Вот несколько образчиков таких рассуждений.

«Предсказана этническая смерть, скорая демографическая катастрофа. Кто-то, может, и отчаётся. Но отчаяние — удел слабых. ...На грани национальной, в том числе и демографической, катастрофы русский народ был не единожды. Не единожды сокращалась его численность и бывал, казалось, подписан ему приговор. Но всякий раз он возрождался, множился числом. Народ русский обладает особыми метафизическими качествами, не укладывающимися в рациональное мышление, которые позволяли ему выходить с честью из самых трудных положений. И масштабы грозившей опасности удесятерили его силы, энергию, жизнестойкость» (Гливаковский 1990: 136). «Русскому народу, видимо, все же предстоит существенно увеличить свою численность... С нами Бог, и потому нам ничего не страшно...» (Антонов М. 1990: 16, 19).

В создание мифологии демографической исключительности России внес свой вклад и такой уважаемый ученый, как Питирим Сорокин, не очень компетентно, а потому излишне оптимистически оценивавший демографическое состояние России после катастроф первой половины XX века. «Население Советского Союза, — писал он, — удивительным образом пережило эти демографические катастрофы и занимает в настоящее время третье место среди населения всех стран... Такое почти чудесное восстановление после катастрофических потерь населения происходило несколько раз в истории русской нации. Это иллюстрация к тому, что я определяю как „огромную жизнеспособность“ и „упорство“ данной нации» (Сорокин 1990: 473–474).

П. Сорокин не проводил различия между «русской нацией» и населением СССР и к тому же пользовался недостаточно корректными показателями, что и привело его к умозаключению о почти чудесном исцелении русской нации. Наш анализ российских демографических реалий XX века не дает оснований видеть в них ничего чудесного, ничего такого, что нельзя понять умом или измерить общим аршином. Демографическая эволюция России находилась в русле хорошо понятных мировых тенденций. Политические и экономические особенности советского пути развития наложили глубокий отпечаток на ход демографической модернизации, в чем-то затормозили ее, а в чем-то, может быть, и ускорили, но в главном не вывели Россию из общемирового и даже общеевропейского русла.

Двигаясь именно в этом русле, Россия подошла к своему нынешнему бедственному демографическому состоянию, которое одних застав-

ляет верить в чудо, а других подталкивает к поиску более реалистических путей выхода из демографического тупика.

Путь назад

В эпохи крупных общественных перемен многие острее проблемы времени часто кажутся очевидным следствием отхода от заветов предков, разрушения векового, раз навсегда установленного порядка. В полном соответствии с таким взглядом и путь к решению этих проблем видится очень простым: возврат к прошлому, когда таких проблем не было.

Эта всем хорошо знакомая из истории ситуация нередко воспроизводится и сейчас, при анализе нынешних демографических трудностей. Часть исследователей, не говоря уже о политиках, журналистах, а тем более «человеке с улицы», отказываются видеть сложный, противоречивый характер происходящих сдвигов. Они не хотят или не могут осознать, что вековые устои потому и рухнули, что уже исчерпали свой ресурс, что со старым берегом нужно было расстаться, ибо на нем уже нельзя было жить.

Их аргументация, обычно односторонняя, не содержит признания положительного вклада демографической модернизации — за исключением снижения смертности, которое, собственно, и делает изменения неизбежными; но это лишь делает их позицию особенно уязвимой. Она направлена на изобличение всех спорных результатов модернизации, которых и в самом деле немало, но которые критики модернизации, возможно, еще и преувеличивают. Соответственно, будущее рождаемости они связывают с контрмодернизацией — с восстановлением, по крайней мере, частичным, прежних семейных нравов, реабилитацией «материнского призвания женщины», осуждением всех новых социальных практик, связанных с расширением свободы индивидуального выбора, в частности сексуального, матримониального и репродуктивного и т.п.

Главные сомнения вызывает, однако, не столько такая критика — она во многом даже полезна, ибо противостоит другой односторонности — идеализации «прекрасного нового мира» и нежеланию видеть его оборотные стороны. Сомнения касаются прежде всего контрмодернизационных программ, в которых обычно проступают отчетливые черты утопии. Таких утопических программ немало в России, но и в этом отношении она не представляет собой никакого исключения.

При всей остроте проблемы «вымирания» для России, ее едва ли можно признать специфически российской. Она более чем актуальна для всех постпереходных стран — от Америки до Японии. Соответственно во всех этих странах нарастает тревога, появляется спрос на объяснения, прогнозы и спасительные советы и, как и в России, истинным спасением многим кажется отказ от настоящего во имя прошлого.

Примером такого подхода к анализу постпереходной демографической реальности могут служить взгляды американского политика П.Дж. Бьюкенена, изложенные им в книге «Смерть Запада» с характерным подзаголовком «Чем вымирание населения и усиление иммиграции угрожают нашей стране и цивилизации» (Бьюкенен 2003). Как известно, демографическое положение США несколько лучше, чем положение России, европейских стран или Японии, в частности рождаемость американских женщин существенно выше, а приток мигрантов —

значительней и устойчивей. Население США быстро растет. Однако демографическая ситуация и в США далеко не идеальна, при относительно более благоприятных количественных показателях, они переживают те же качественные перемены в семейном и демографическом поведении людей, что и европейские страны. Поэтому обеспокоенность Бьюкенена вполне обоснована, тем более что, хотя в центре его размышлений стоит его собственная страна, он озабочен судьбами всего «Запада». О чем же говорит нам его анализ?

«Запад умирает. Народы Запада перестали воспроизводить себя, население западных стран стремительно сокращается. С самой Черной Смерти, выкосившей треть Европы в четырнадцатом столетии, мы не сталкивались с опасностью серьезнее. Нынешний кризис грозит уничтожить западную цивилизацию... Католики, протестанты, православные — все они участвуют в грандиозной похоронной процессии западной цивилизации» (Там же, 22). Казалось бы, поставив столь серьезный диагноз, следует столь же серьезно задуматься и о причинах болезни и хоть как-то воспользоваться плодами демографической науки, которая уже не менее ста лет бьется над загадкой трансформации семьи и снижения рождаемости. Не исключено, что ее достижения за это время не столь уж велики, но теория демографического перехода, разработанная американскими и европейскими исследователями, позволяет понять, что речь идет о достаточно жестко детерминированном объективном историческом процессе, которым очень сложно, а может быть и невозможно, управлять.

Видимо, именно это и не устраивает Бьюкенена-политика, который дважды пытался баллотироваться в президенты США. Сколь серьезной ни была бы затронутая им проблема (а она безусловно серьезна), найти отклик у массовой аудитории для политического деятеля почти всегда важнее любого другого результата. Поэтому его объяснения должны быть намного понятнее этой аудитории, чем заумные рассуждения демографов. На то есть хорошо отработанные приемы, и они примерно одинаковы и в Америке и в России.

Российского читателя не удивит сообщениями о том, что причины падения рождаемости в России находятся где угодно, только не в ней самой. Накануне распада СССР «патриоты» настойчиво указывали на «специфически советскую причину вымирания славян — многолетнюю политику перекачки средств и ресурсов из европейских регионов страны на Юг... Никаких сил русского народа, даже если он снимет с себя последнюю рубашку и во имя псевдоинтернационализма совсем откажется заводить собственных детей, не хватит на то, чтобы финансировать воспитание, образование и благополучие детей в республиках, рождаемость в которых близка к физиологической плодовитости» (Гливаковский 1990: 135). «В 50–60-е годы политика явного (физического) геноцида славян сменилась тихим геноцидом... Были целенаправленно подорваны материальные, социальные, психологические основы развития славянских народов, за счет которых... происходило и происходит развитие Средней Азии, Закавказья и некоторых других регионов страны. Следствием этого явился резкий спад рождаемости у русских, украинцев и белорусов, которые являются сегодня вымирающими нациями... Доля мусульманских народов в составе населения СССР неуклонно возрастает, а доля русских, славян столь же неуклонно падает» (Артемов 1992: 140).

Но вот цель достигнута, Россия освободилась от бремени Средней Азии и Закавказья, доля мусульман в российском населении резко сократилась. И что же? Не успев даже выдержать паузы, «патриоты» начинают обличать новый источник «геноцида», начисто забыв о старом. «Нынешнее правительство начало настоящее истребление нашего народа... Благодаря якобы „заботе демократов о народе“, ...началась неестественная абсолютная убыль населения... Идет планомерное, целенаправленное истребление русского народа, планируемое из-за границы и осуществляемое теперешними властями» (Первышин 1992: 56). «Сегодня... необъявленная война против России стала фактом общественного сознания. Все чаще в самых разных социальных средах можно услышать: „Все ясно. Нас решили уничтожить“, „идет зачистка территории“, „для обслуживания нефтяных скважин много народу не нужно“... Война с Россией ведется одновременно на многих фронтах. Тот фронт, о котором будем говорить мы, один из главных (если не самый главный)... Речь идет о системе снижения рождаемости, активно внедряющейся в России под вывеской „планирования семьи“» (Медведева, Шишова 1999).

«Демографическая война» против России оказалась даже более успешной, чем ожидали затеявшие ее зарубежные спецслужбы — «американцам такой успех и присниться не мог» (Там же). «Как обычно, в России революции осуществляются на иностранные деньги. Общий политический заказ... заключается прежде всего в вышибании традиционных представлений о семье и материнстве и в превращении России в гомосексуально-контрацептивный придаток Запада без мозгов, без сердца и без души» (Медведева, Шишова 1997).

Американцам бы только радоваться, но не тут-то было. Оказывается, что пока США добивались успеха в демографической войне против России, они сами пали жертвой международного заговора. «Горстка марксистов-ревизионистов сумела „исказить“ американскую культуру и содействовала началу деконструкции нашего общества» (Бьюкенен 2003: 128). «Сексуальная революция пожирает наших детей. Статистика аборт, разводов, падения рождаемости, неполных семей, самоубийств среди подростков, криминализации школ, наркомании, педофилии, рукоприкладства в браке, тяжких преступлений, заболеваемости раком, внебрачного сожительства и падения образованности показывает, насколько глубок кризис в обществе, пораженном культурной революцией» (Там же, 334). «Рассуждая о смерти Запада, мы должны рассматривать Франкфуртскую школу как главного обвиняемого в этом преступлении. Пропагандистские нападки на традиционную семью со временем привели к фактическому отмиранию этого общественного института. Традиционные семьи сегодня в США составляют не более четверти от общего числа проживающих вместе людей» (Там же, 126). «Нынешние американцы и не подозревают, что эти идеи и теории были выпестованы в Веймарской Германии или в Италии Муссолини и что за ними скрывается стремление подорвать нашу культуру и уничтожить нашу цивилизацию» (Там же, 130–131).

Но коль скоро все дело в злонамеренном умысле, то его можно избылчить, покарать виновных и вернуться к незамутненным истокам народного здоровья, — и это справедливо в равной степени и для Америки и для России: «Лишь общественная контрреволюция или религиозное возрождение способны развернуть Запад в нужном направлении, прежде чем падение рождаемости достигнет критической отметки

и опустит занавес в финале сыгранной Homo Occidentalis пьесы» (Там же, 75). То же, видимо, требуется и для России, ибо она «призвана быть хранительницей и мирной распространительницей самого чистого христианского учения и образа жизни — Православия, стать духовным лидером мира, маяком, указующим путь к спасению всей нашей безбожной, бесчеловечной и бессмысленной цивилизации... Поэтому для нее важно не только сохранить, но и существенно увеличить численность своего населения...» (Антонов М. 1990: 21).

В практическом плане Западу «требуется срочно переломить ситуацию, иначе его одолеет третий мир, впятеро превосходящий своего соперника численностью сегодня — а к 2050 году уже вдесятеро!» (Бьюкенен 2003: 41–42). России же нужно, как минимум, «разработать концепцию новой государственной семейной политики по стимулированию рождаемости для обеспечения необходимого коэффициента замещения поколений — 2,2» (Медведева, Шишова 1997). Впрочем, другим авторам, правда еще советского времени, эта цель кажется недостаточной: «При тех огромных территориях, которые нам надо вновь осваивать или вовлекать в хозяйственный оборот, при наших протяженных границах, которые... надо защищать, стабилизацию численности русского населения никак нельзя считать благом... Русскому народу, видимо, все же предстоит существенно увеличить свою численность, и демографическая политика России должна быть нацелена именно на

это» (Антонов М. 1990: 18–19)¹. Трудно сказать, на что нацелена реальная демографическая политика России и есть ли такая политика, но официальная Концепция демографического развития Российской Федерации на период до 2015 года, утвержденная правительством в 2001 году, декларирует в качестве главной цели именно «стабилизацию численности населения и формирование предпосылок к последующему демографическому росту».

Какими же способами предлагается «переломить ситуацию» и двигаться к достижению подобных целей?

В России все еще есть немало людей, которые полагают, что низкая рождаемость — это просто следствие бедности, и убеждены, что стоит наладить экономику, и сама собой повысится рождаемость. На Западе в это уже мало кто верит: «Перемена в настроениях европейцев произошла в середине 1960-х годов, на пике послевоенного благополучия; именно тогда западные женщины стали отказываться от образа жизни своих матерей» (Бьюкенен 2003: 45). «У богатых меньше детей, чем у бедных... Чем богаче становится страна, тем меньше в ней детей и тем скорее ее народ начинает вымирать» (Там же, 56).

Казалось бы, пора уже и России перестать верить в свою демографическую исключительность и оставить детскую наивность, уместную разве что в пору фантастических ожиданий ранней послереволюционной поры. «Высокая рождаемость, — надеялись в те годы, — обычно характеризовавшая низкий материальный и культурный уровень населения, весьма вероятно *теперь* будет характеризовать материальное благополучие и культурный подъем. Ведь совершенно очевидно, что улучшение благосостояния крестьянства в колхозах, сеть построенных и предполагаемых к построению яслей, очагов и т.д., явится стимулом к увеличению рождаемости» (Курман 1930: 143). «Совершенно очевидное» оказалось далеко не столь очевидным, и можно было бы извлечь

1

Впрочем, в последнее время М. Антонов (если это тот самый Антонов), кажется, изменил свою позицию: «Надо не население подгонять под территорию и ресурсы, а исходить из задачи полного освоения ресурсов России тем населением, какое в ней будет» (Антонов М. 2002).

из этого кое-какие уроки. Тем не менее, и сегодня в России многие уповают на «материальное благополучие» как на средство против низкой рождаемости. Типичный, хотя, конечно, далеко не единственный пример — интервью вице-премьера России, в котором говорилось, что «лучшим стимулом для рождения ребенка станет экономическая стабильность семьи, уверенность родителей в завтрашнем дне, возможность создать своим детям достойные условия жизни» (Стимул 2001).

Но все же эту российскую наивность уже нельзя считать всеобщей, в России есть и такие люди, которые понимают, что дело не в благосостоянии, а в чем-то другом, что здесь, как и на Западе, речь идет о глубоком изменении всего социокультурного фона, норм поведения, системы ценностей: «Число детей как выражение экзистенциальных желаний человека, прямо связанных с существованием нации, человечества может перемещаться вниз иерархии ценностей, заслоняться другими, более престижными приоритетами, такими как рациональность и свобода выбора, равноправие, справедливость и т.д. Это типичный пример игнорирования экзистенциального критерия, выдвижения каких-либо условий, кажущихся более важными, чем само существование» (Антонов А., Сорокин 2000: 34).

Конечно, в этих словах звучит уже более глубокая оценка ситуации, это все-таки не теория заговора и не вера в «прямую связь» демографии и экономики. Но и в данном случае говорится не о внутренних, неустранимых противоречиях объективного исторического процесса, а о поправимых ошибках, о коллективном заблуждении, которое можно развеять с помощью «правильной» политики. И в этом смысле российские борцы с депопуляцией мало отличаются от американских: «От воли людей зависит, чем закончится процесс разрушения системы ценностей и норм многодетной семьи, — пишут они. — Тут два пути — предоставить все самотеку девальвации семейности или же приступить к абсолютно новой политике государства — к исторически беспрецедентной просемейной политике укрепления семьи с несколькими детьми» (Там же, 127). «Если американцы хотят сохранить свою цивилизацию, им нужно рожать как можно больше детей, — вторит им Бьюкенен. — Нет никакой гарантии, что правительственные инициативы побудят американок задуматься о судьбе нации; тем не менее, государственная политика должна быть переориентирована на заботу о детях и о семье как таковой» (Бьюкенен 2003: 318).

Гарантии нет, но политику проводить надо. А рекомендации по ее проведению неизменно связывают повышение рождаемости с реабилитацией прошлого, его семейной организации, прежнего положения женщины, морали, основанной на религиозной вере, а заодно и с отказом от «более престижных приоритетов, таких как рациональность и свобода выбора, равноправие, справедливость и т.д.».

Общий враг борцов с низкой рождаемостью — феминизм: «Активизация антиэкзистенциальных настроений и ценностных ориентаций, размах феминистического движения в мире на фоне сохранения всеобщего предрассудка об «угрозе перенаселенности» будет и далее сопровождаться безразличием к упадку института семьи» (Антонов А., Сорокин 2000: 126); «Освобождение женщин от традиционных ролей жены и хозяйки... привело к деградации этих ролей, этих типов поведения в американском обществе... Миллионы западных женщин... приняли феминистскую теорию и не собираются ни выходить замуж, ни рожать

детей» (Бьюкенен 2003: 126–127). «Сегодня ценности феминизма и контркультуры заложены в нашу социальную политику и налоговое законодательство. Консерваторы должны приложить все усилия к изменению текущего положения дел» (Там же, 320).

Еще один источник низкой рождаемости — секуляризация: «Религия везде в мире проиграла сражение с государством за семью» (Антонов А., Сорокин 2000: 126). Появление здесь «государства» — просто отражение советской картины социального мира, было бы странно, если бы Бьюкенен в деградации американской семьи винил американское государство. Он говорит о другом: «Зов „богов рынка“ для большинства современных женщин куда значимее, нежели знаменитые слова книги Бытия: „Плодитесь, и размножайтесь, и наполняйте землю“» (Бьюкенен 2003: 60). Но проигрыша религии в битве за семью опасается и он: «Крепкая вера и большая семья идут рука об руку» (Там же, 320). «Лишите народ веры — и он перестанет воспроизводить себя, а на освобожденные территории придут иностранные солдаты или иммигранты» (Там же, 248). Неудивительно поэтому, что путь к демографическому росту лежит через воцерковление. У нас такому «воцерковлению...» подлежат не индивидуумы, но вся русская культура, наука, мысль вместе взятые. Только таким образом коллективному самосознанию нации будет придана духовная вертикаль, которая, в свою очередь, превратит проблему демографического роста в некое духовное задание на основе православной этики, запрещающей, например, контрацепцию и аборты» (Дугин 1997: 256).

Контрацепция и аборты — особое всеобщее зло. Причина отказа западных женщины от образа жизни своих матерей «до сих пор остается невыясненной, а вот способы вполне очевидны: контрацепция вдвое сократила прирост населения на Западе, а аборты стали своего рода „второй линией обороны“ против нежеланных детей... Однажды историки назовут противозачаточные пилюли таблетками, погубившими Америку» (Бьюкенен 2003: 45). «Контрацепция, стерилизация, аборт, эвтаназия — вот те четыре всадника, предвестники „апокалипсиса культуры“, против которых выступит Господь в канун Страшного суда. Пилюли и презервативы стали серпом и молотом культурной революции» (Там же, 127).

Примерно так же думают и в России, где власть также захватили последователи Маргарет Сэнжер, а причину отказа от образа жизни былых поколений и выяснять не надо: «В то время как в России, сломав ворота Зимнего Дворца и распяв истинную свободу вместе с убийством Помазанника Божия, толпы обезумевших людей рвались к новой свободе от совести, — Маргарет всю развивала свой тип свободы — сексуальный... В течение всего последнего времени над миром доминировал дух смерти, „когда земля упивается неповинною кровью, проливаемой братскою рукою, оскверняется насилием, грабежами, блудом и всякою нечистотою“ (Послания св. Патриарха Тихона, 1918 г.). Контроль рождаемости есть его убивающий меч... Сокращение численности населения в конечном итоге обеспечивает демографический и финансовый контроль над страной и территорией, которую некому больше защитить» (Медведева, Шишова 1997).

Все сказанное подводит к мысли, что «переломить ситуацию» в России можно, но для этого надо вернуться — с теми или иными оговорками — к образу жизни, а вместе с тем и к политической философии

наших дедов. Ибо «идеалы свободы и прав человека возникли в политической сфере в контексте либерально-демократической парадигмы — где отрицается возможность для кого-либо выступать от имени общества и предлагать любые доктрины „всеобщего блага“, тогда как именно забота о всеобщем благе позволяет заключить, что «нельзя обосновывать личный выбор бездетности или одноклеточности индивидуальным правом на безусловную свободу выбора — лишь бы этот выбор был рациональным или сознательным» (Антонов А., Сорокин 2000: 33–34).

Сказать, что такие идеи новы, конечно, нельзя. Еще Платон утверждал, что «дети больше принадлежат государству, чем своим родителям» (Платон 1972: 284). В 1920-х годах в СССР многим казалось, что ребенок принадлежит не семье, а рабочему классу («Ребенок принадлежит классу рабочих, он его будущий борец» [Кузьмин 1928: 82]). Гитлер в «Майн Кампф» разъяснял, что «право индивидуальной свободы должно отступить на задний план перед обязанностью сохранения расы» (Гитлер 1992: 213). Сегодня эти идеи освежаются в духе новых идеологических поветрий, старая погудка звучит на новый лад, теперь в России «дети должны пониматься как общенациональное достояние... В конечном счете, должен быть выдвинут радикальный лозунг: „нация — все, индивидуум — ничто“» (Дугин 1997: 257).

Предлагаются разные варианты движения к достижению общего демографического блага.

Некоторые авторы с маниловской убежденностью призывают к гуманной просемейной политике «„светлой“ по целям и по средствам их достижения». Они рассчитывают на «изменение иерархии человеческих потребностей, повышение семейного образа жизни с детьми в системе жизненных приоритетов». По их представлениям, «основным средством принятия людьми целей укрепления семьи с детьми как личных целей, становится путь гармонического сочетания роста уровня жизни и расширения символов социального престижа личности с обзаведением семьей и рождением детей» (Антонов А., Сорокин 2000: 352).

Другие, соглашаясь с тем, что в России «демографический всплеск будет обеспечен идеологически, культурно, этически», с прямотой Собакевича рекомендуют не церемониться со средствами: «Пропаганда... национальной исключительности... должна стать осью политического воспитания народа... Народу следует внушить мысль, что, рождая русского ребенка, каждая семья участвует в национальной мистерии, пополняя духовное и душевное богатство всего народа... Учитывая тяжелое демографическое состояние сегодняшнего дня, начать национальную пропаганду надо как можно быстрее и использовать при этом любые политические и идеологические методы. При этом необходимо до предела нагнети националистические тенденции, спровоцировав драматическое и быстрое пробуждение великого и мощного этноса»² (Дугин 1997: 257).

Все описанные только что подходы, безотносительно к тому, продиктованы ли они искренней озабоченностью нынешней демографической ситуацией в своих странах, или тем, что она открывает огромные возможности для политических спекуляций, «работы на публику», объединяет

2

Подобные рецепты, конечно, не придуманы их автором, а тоже заимствованы из классических образцов: «Во всех тех случаях, где дело идет о разрешении на первый взгляд невыполнимых задач, прежде всего нужно сосредоточить все внимание народа на этом одном вопросе и сделать это с такой силой, как если бы от этого зависела судьба народа». Пример: «Борьбу против сифилиса надо было представить народу как главную задачу, а не просто как одну из задач. Для этого надо было прибегнуть ко всем видам пропаганды. Всеми средствами надо было вкочлачивать в голвы людей, что вред, причиняемый сифилисом, погубит нас. Это надо было делать с исключительной силой — вплоть до того момента, пока вся нация убедилась бы, что от разрешения этой задачи зависит все» (Гитлер 1992: 209–210).

одна общая черта. Отталкиваясь от резко критической оценки нынешних демографических тенденций и опасаясь вытекающих из нее неприятных экономических, социальных, политических (в том числе и геополитических) последствий, сторонники таких подходов направляют свои усилия на конструирование картины будущего, в котором нынешняя кризисная ситуация существенно изменена к лучшему. Путь же к лучшему будущему они видят в устранении разного рода социальных нарушений, искажений, извращений, которые временно возобладали, но от которых, проявив политическую волю, можно освободиться, с тем чтобы вернуться к демографической гармонии былых дней. Иными словами, демографическое настоящее видится сторонникам этих подходов как болезнь, от которой можно вылечиться.

К сожалению, результаты нашего исследования не позволяют разделить этот по-своему оптимистический взгляд.

Мы полностью согласны с тем, что нынешняя демографическая ситуация в большинстве промышленно развитых, городских обществ, да и в мире в целом крайне неблагоприятна и чревата опасными последствиями, серьезность которых трудно переоценить. В этом смысле размышляющий о судьбах Запада Бьюкенен, пожалуй, ничего не преувеличивает, и его анализ вполне может быть распространен и на Россию.

Однако реализация желаемой картины будущего, рисуемой им и многими его единомышленниками, в том числе и российскими, представляется маловероятной. Человек может до известной степени сознательно влиять на исторические процессы, но он не может конструировать социальную реальность по собственному усмотрению. Любые общественные изменения системны; подвижка в одном месте влечет за собой миллионы других подвижек, контролировать их все невозможно. Добиваясь снижения смертности и удлинения сроков жизни, наращивая производительность труда и делая его более легким, съезжаясь в города и благоустраивая их, люди не задумывались над тем, как скажутся успехи их начинаний на семейных нравах, уровне рождаемости или структуре населения. Но не сказаться они не могли.

Для того чтобы среди непредсказуемых последствий фундаментальных изменений в жизни человеческого общества оказались и такие, которые нам не нравятся, вовсе не нужны заговор Франкфуртской школы или интриги ЦРУ. Сегодняшние демографические тенденции, которые ни россияне, ни европейцы, ни американцы не могут не воспринимать как неблагоприятные, — неотъемлемое следствие европейского выбора, сделанного столетия назад. Они имманентны тому пути, по которому идут все индустриальные и постиндустриальные городские общества и на который сейчас мало-помалу сворачивает весь мир. Если бы у этого пути не было неотразимо привлекательных черт, не было бы и этого поворота. Его не было бы и в том случае, если бы в глазах тех, кто делает реальный выбор, — а его вот уже не одно столетие ежедневно делают десятки, а теперь уже и сотни миллионов и даже миллиарды людей, — эти привлекательные черты не брали верх над чертами непривлекательными, негативными, тоже давно и хорошо известными. Едкая критика западной цивилизации появилась одновременно с ней самой, но она не слишком повлияла на выбор народов. Мы хорошо знаем одну страну, в которой такая критика стала частью государственной идеологии, но сказать, что демографический выбор ее жителей оказался более удачным, чем в главных цитаделях западной цивилизации, может только слепой.

Любой прогресс противоречив, у него всегда есть оборотная сторона, которая позволяет с умилением смотреть в прошлое. Но стрела времени движется только в одном направлении, и возврата к прошлому нет. Нигде нет признаков возвращения на тот путь, куда зовут консерваторы типа Бьюкенена. Да и было бы странно, если бы современные жители Нью-Йорка, Парижа или Москвы вдруг вернулись к образу жизни и семейным нравам крестьян XIX века. К тому же зовущие их к такому возвращению ревнители старины не все договаривают. Утраченный рай прошлого включал в себя в качестве неотъемлемого атрибута высокую смертность. Именно она предопределяла всю систему демографических отношений, диктовала ключевые нормы демографического поведения. Последовательный возврат к прошлому требовал бы восстановления и этого его атрибута, но так далеко не заходит, разумеется, ни один консерватор.

Есть и еще одна причина, по которой невозможен возврат к прошлому. Сто лет назад население России было вдвое меньше, чем сейчас, но она была одной из самых многолюдных стран мира. Сейчас же ее место в мировой демографической иерархии быстро понижается, но пока не столько из-за сокращения ее собственного населения, сколько из-за стремительного роста населения в развивающихся странах. И это относится ко всему «Западу». Мы уже знакомы с адресованным ему призывом «срочно переломить ситуацию, иначе его одолеет третий мир, впятеро превосходящий своего соперника численностью сегодня — а к 2050 году уже вдесятеро!» (Бьюкенен 2003: 41–42). Не надо быть большим специалистом, чтобы понять: по большому счету, переломить ничего уже нельзя. Даже если предположить, что «западные» народы прислушаются к тем, кто озабочен их демографическим упадком, повысят рождаемость, и к середине XXI века соотношение «развивающийся/развитый мир» будет составлять не 10:1, а, скажем, 8:1, можно ли считать это «переломом», принципиальным изменением ситуации? Сможет ли Россия, даже при самых благоприятных демографических тенденциях, когда-нибудь тягаться по численности населения с соседним Китаем?

Нет, скорее всего, мир, «исправленный» по рецептам Бьюкенена и его единомышленников, в том числе и российских, при всей его привлекательности, — не более чем иллюзия, «золотой сон». А жить человечеству придется в совершенно другом мире.

В каком же?

Путь вперед

Схематическое представление о том, как будет выглядеть демографическая составляющая будущего мира, могут дать глобальные демографические прогнозы, в частности сверхдолгосрочный прогноз ООН (World population 2003). Его основные варианты — верхний, средний и нижний — траассируют различные возможные пути эволюции мирового населения на три столетия вперед. Все они предполагают завершение периода значительных изменений рождаемости и ее последующую стабилизацию на одинаковом для всех стран уровне — как за счет повышения в более развитых странах, где сейчас она низка, так и за счет снижения в менее развитых странах, где пока она высока.

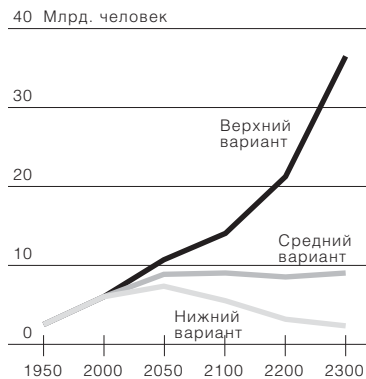
Согласно «верхнему» варианту, рождаемость стабилизируется (в развитых странах — к середине нынешнего века, в развивающихся — после заметного снижения — к концу XXII века) на уровне 2,35 рождения на одну женщину (на 15% выше уровня простого воспроизводства). Демографический взрыв не прекращается, население Земли к концу века превысит 14 млрд. человек и будет продолжать расти (рис. Z-1). Доля развитых стран, которая в середине XX века составляла 34%, а в его конце — 20%, с середины XXI века устанавливается примерно на уровне 12–13%. (рис. Z-2).

По «среднему» варианту рождаемость стабилизируется на уровне простого замещения поколений (2,06 рождения на одну женщину) — в развитых странах к концу нынешнего, в развивающихся — к концу следующего столетия. К середине XXI века демографический взрыв в мировых масштабах в основном завершится, к 2075 году численность населения планеты достигнет максимума в 9,2 млрд. человек и затем практически стабилизируется на уровне, близком к 9 млрд. Доля сегодняшних развитых стран падает до 12,5% в конце XXI века, а затем снова несколько повышается — до 14%.

Наконец, по «нижнему» варианту прогноза, стабилизация рождаемости на уровне 1,85 рождения на одну женщину (на 10% ниже уровня простого воспроизводства) в развитых странах достигается к концу XXI века, в развивающихся — в результате роста (после значительно падения к середине нынешнего столетия) — к концу XXII века. Уже после 2040 года население мира, едва преодолев планку в 7,5 млрд. человек, начнет сокращаться — до 5,5 млрд. в конце XXI века, до 3,2 млрд. в конце XXII и до 2,3 млрд. — в конце XXIII. Доля нынешних развитых стран не опускается ниже 14% в конце XXI века, а затем постепенно повышается, достигая к 2300 году 18%.

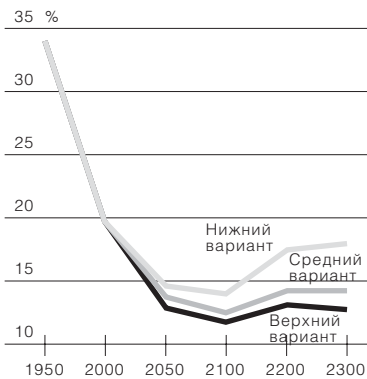
Конечно, в прогнозах такого рода речь идет лишь о самых общих схемах будущего. Но эти схемы помогают понять, перед какими демографическими альтернативами стоит современное человечество и к чему следовало бы стремиться в ближайшей и более отдаленной перспективе.

Рисунок Z-1. Численность мирового населения по трем вариантам долгосрочного прогноза ООН, 1950–2300

Источник: World population 2003.

Рисунок Z-2. Доля современных развитых стран в населении мира по трем вариантам долгосрочного прогноза ООН, 1950–2300

Источник: World population 2003.

Учитывая всю совокупность глобальных экономических, социальных, экологических, политических проблем, с которыми население Земли сталкивается уже сегодня, можно смело утверждать, что наилучшей была бы демографическая эволюция не по «верхнему» сценарию — это был бы прямой путь к катастрофе.

Но и «средний» сценарий такой эволюции не внушает большого оптимизма. «Стабильные» 9 млрд. жителей Земли — это тоже очень много для человечества, которое на протяжении почти всей своей истории не достигало и 1 млрд. человек. Нынешний демографический взрыв происходит одновременно с небывалым подъемом мирового сельскохозяйственного и промышленного производства, при том что из-за стремительного роста населения этот рост не приводит к увеличению среднедушевых показателей производства и потребления. Зато он сопровождается таким ростом антропогенных нагрузок на природные системы жизнеобеспечения планеты, который эти системы могут и не выдержать³.

Единственный вариант, оставляющий надежды на будущее, — это развитие по «нижнему» сценарию, предполагающему не только прекращение роста, но и последующее постепенное сокращение населения примерно до той численности, какую оно имело в середине XX века, т.е. перед началом демографического взрыва. А это значит, что на какое-то — довольно долгое — время все человечество должно перейти к рождаемости, которая будет ниже уровня простого замещения поколений.

Такой сценарий — не только наиболее желательный, но и наиболее вероятный. Западные общества создали и социальные механизмы, побуждающие к низкой рождаемости, и технические средства, позволяющие реализовать такие побуждения. Постепенно этот опыт перенимается всеми странами мира. Рождаемость повсюду снижается, пусть и не так быстро, как хотелось бы, а к числу государств с рождаемостью ниже уровня простого воспроизводства сейчас относятся уже не одни лишь высокоиндустриализованные страны, но и все еще крестьянский по преимуществу Китай — самая многолюдная держава мира, движутся в этом направлении и другие страны третьего мира (рис. Z-3).

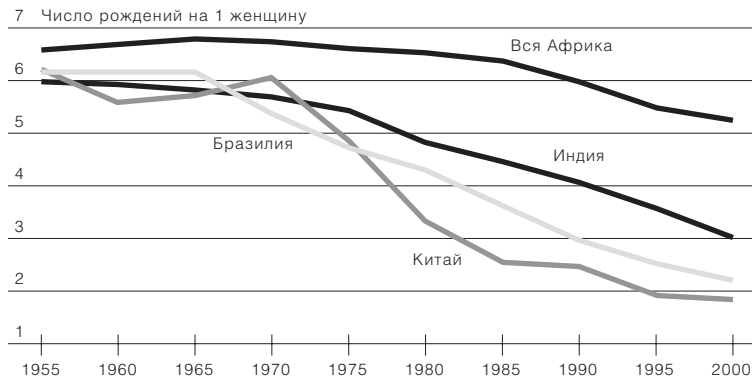
Дальнейшее развитие событий по «нижнему» варианту прогноза ООН вело бы к реальному «перелому ситуации» — в отличие от иллюзорного, о котором говорит Бьюкенен. И стоит задуматься над тем, действительно ли он и его бесчисленные сторонники, у которых волосы шевелятся от ужаса при одном лишь упоминании об аборте или презервативе (не будем ставить под сомнение их искренность) и которые с помощью публицистической риторики и законодательных инициатив пытаются распространить на весь мир уже забытое пуританское благочестие средних классов викторианской Англии, — действительно ли они несут спасение человечеству или хотя бы «Западу», либо просто бестолково суют палки в колеса истории — занятие, столь же старое, как и наш мир, и всегда абсолютно бесплодное?

К счастью, жизнь идет не по рекомендациям ясновидцев, а по своим собственным внутренним законам. В начале XXI века кажется уже неудобным разъяснять читателю, что человеческое общество представ-

3

Любопытная черта позиции «демографических консерваторов»: не жалея черных красок для описания бедственного положения Запада (России), глобальную ситуацию они представляют в самом розовом свете. По мнению Бьюкенена, «сегодня шесть миллиардов человек, составляющих население земного шара, живут куда лучше, чем три миллиарда в 1960 году, два миллиарда в 1927 году или миллиард в 1830 году» (Бьюкенен 2003: 62). А его российские единомышленники и вообще говорят о глобальных «страшилках», «всеобщем предрассудке об „угрозе перенаселенности“» и т.п. (Антонов А., Сорокин 2000: 126).

Рисунок Z-3. Снижение рождаемости в развивающемся мире, 1955–2000

Источники: *World population 2001*; *World population 2003*.

ляет собой самоорганизующуюся сложную систему, постоянно перерабатывающую огромный объем информации. Эта информация отражает состояние внешней и внутренней среды системы и, благодаря наличию множества каналов прямой и обратной связи, корректирует поведение элементов системы в интересах сохранения ее целостности и повышения эффективности ее функционирования. Какая-то часть общего потока информации относится к демографическому поведению и управляет им. Тем или иным способом она доходит до миллионов людей, и в их демографическом поведении появляется удивительное единообразие (разумеется, с поправкой на то, что речь идет о стохастических процессах) — в каждую эпоху свое. Сигналы, которые улавливались людьми в конце XX века, не могли не отличаться кардинальным образом от тех, которые поступали к ним в начале XVIII века, соответственно и демографическое поведение их стало иным. Энтропия не выросла, демографический процесс по-прежнему социально управляем. Но цель управления — другая, тогда объективным интересам системы соответствовала высокая рождаемость, теперь — низкая.

Конечно, низкая рождаемость сегодня отвечает интересам не всех стран мира. Казалось бы, их население должно получать и иные информационные сигналы. Но возможно ли это? Едва ли. Информационное пространство планеты едино. Современные глобализационные процессы многократно увеличили скорость распространения информации, хотя «человечество всегда, с самого начала, росло и развивалось как глобальная система, где в едином информационном пространстве реализуется общее по своей природе эффективное взаимодействие» (Капица 2004: 86). Так что сейчас, более чем когда-либо, «эффективное взаимодействие, определяющее рост, реализуется во всем населении Земли и за значительный промежуток времени. ...Закон роста... нельзя применять к отдельной стране или региону, а только ко всему взаимосвязанному населению нашей планеты» (Там же, 85).

Именно процессы глобальной самоорганизации подталкивают население Земного шара на путь, схематически представленный «нижним» вариантом демографического прогноза ООН и предполагающий ускоренное снижение рождаемости в развивающихся обществах. У них не было двух столетий для постепенного приведения культурных норм,

регулирующих демографическое поведение людей, в соответствии с новыми условиями, и хотя сейчас эти нормы быстро меняются, они все еще содержат много традиционных элементов, которые противодействуют снижению рождаемости, замедляют его. Но сила такого противодействия ослабевает. Развитие промышленности, рост городского населения, снижение детской смертности, изменение положения женщины и другие модернизационные процессы, которые привели к массовому распространению нуклеарной малодетной семьи в странах Европы, в Северной Америке или Японии, скорее всего, сделают ее основным типом семьи и в менее развитых странах, что и приведет к значительному снижению рождаемости в них.

Разумеется, движение по этому пути не может быть гладким. Оно требует перемен, которые расшатывают устоявшийся социальный порядок, затрагивают интересы людей, крупных социальных слоев. Поэтому оно встречает не только содействие, но и противодействие, нередко проходит в обстановке острого социального и культурного конфликта, тормозится им. В контексте этого конфликта следует рассматривать и постоянно возникающую консервативную оппозицию демографическому обновлению, свойственные ей преувеличенно критическое отношение ко всем социально-демографическим нововведениям и конструирование нереализуемых утопий возврата к «добрым старым временам».

Что касается консервативной критики настоящего, то в ней есть много верного, она часто привлекает внимание к реальным проблемам, в частности тем, которые порождены неравномерным разворачиванием демографического перехода в разных частях света. Когда Бьюкенен утверждает, что демографический кризис — это наибольшая из стоящих перед Западом опасностей (Бьюкенен 2003: 316) и называет двумя главными проблемами, угрожающими самому существованию «могущественной Америки и Запада в целом», «вымирание населения» и «массовую иммиграцию людей различных цветов кожи, верований и культур... ставящую под сомнение культурную целостность Запада» (Там же, 274), то с ним не только нельзя не согласиться, но нужно поспешить добавить к числу находящихся в опасности стран и Россию. В самом деле, даже и успешное развитие глобальной демографической ситуации по «нижнему» варианту требует немалого времени, в ближайшие же десятилетия оно не даст решения проблем — ни тех, которые обусловлены надвигающейся депопуляцией в развитых странах, ни тех, которые связаны с нарастающей перенаселенностью третьего мира. И те и другие будут только обостряться.

Если пытаться ответить на эти вызовы, реализуя предлагаемые консерваторами утопические проекты будущего, похожего на прошлое, то это может принести — и, кажется, уже приносит — больше вреда, чем пользы. Их авторы напоминают генералов, готовящихся к прошедшей и к тому же проигранной ими войне. Они рассчитывают на то, что их призывы будут услышаны — и народами, и правительствами постпереходных стран, и это приведет к росту рождаемости и ограничению иммиграции. На достижение этих целей они и призывают направить главные усилия.

Однако реально наблюдаемые и непрерывно усиливающиеся тенденции, равно как и весь сегодняшний мировой расклад, заставляют думать, что XXI век в глобальных масштабах, напротив, будет веком сни-

жающейся рождаемости и растущей межгосударственной миграции, направленной в основном из бедных, перенаселенных стран в богатые и недонаселенные. Более того, именно с этими двумя тенденциями может быть связано ослабление уже возникшего и пока нарастающего мирового демографического дисбаланса, равно как и некоторое смягчение вытекающих из него проблем. Но при этом возникнут или усугубятся другие проблемы, о которых в общем верно пишет Бьюкенен и постоянно говорят российские милицейские генералы.

Если не касаться возможных глобальных военно-политических потрясений (это — не наш сюжет), а исходить из относительно мирного развития человечества в XXI веке, то скорее всего он станет веком огромных межгосударственных миграций, намного превосходящих по масштабам заокеанские переселения в XIX — первой половине XX века. Их движущей силой станет обоюдная экономическая заинтересованность бедных и богатых стран в применении труда — хорошо оплачиваемого, по меркам одних, и дешевого, по меркам других. Как сказал в одном из интервью генеральный секретарь ООН Кофи Аннан, уже сейчас «многие люди во всем мире воспринимают Европу как континент неограниченных возможностей. Они хотят сюда попасть, чтобы начать новую жизнь. При этом они следуют примеру миллионов бедных, но активных европейцев, которые когда-то отправлялись в Новый Свет, потому что видели в этом свой шанс» (Annan 2004).

Приток миллионов иноязычных, инокультурных, исповедующих иную веру людей, непрерывно прибывающих в Северную Америку, Европу или Россию, и в самом деле создаст огромное давление на европейско-христианские ценности и основанную на них культуру, принесет с собой опасность утраты европейской культурной идентичности, множество других проблем — экономических, социальных, политических. Перед лицом столь неприятной перспективы хочется зажмурить глаза, вслед за некоторыми российскими исследователями отказаться от «необоснованной переоценки возможности и достоинства варианта демографического развития, при котором динамика населения полностью зависит от внешнего миграционного допинга», и начать разрабатывать прогнозы, которые «заведомо отвергают возможность перехода к миграционной зависимости» (Демографическое будущее 2001: 36, 40). Хочется поверить даже странному утверждению, что «иммиграция не спасает, так как глобальная малодетность во второй половине XX века ставит вопрос: откуда же взять мигрантов?» (Антонов А. 2002: 183).

Но одно дело — наши желания или наши фантазии, а другое — немолимые цифры и факты, которые указывают и на увеличивающуюся потребность стран «Севера» планеты в притоке людей с «Юга», и на нарастающее с каждым годом миграционное давление «Юга» на «Север». Разумеется, существует и всегда будет существовать очень непростая проблема количественного и качественного соотношения спроса и предложения. Но само наличие этих двух взаимодополняющих (а не взаимоисключающих) тенденций заставляет ожидать весьма крупных миграционных потоков, направленных с «Юга» на «Север».

К этой перспективе можно относиться по-разному, но одно ясно: маловероятно, чтобы ее удалось избежать. Поэтому сейчас европейские, американские или российские стратеги должны думать не о том, как было бы хорошо, если бы удалось повернуть историю вспять, а о том, как с наименьшими потерями и с наибольшей пользой для себя

действовать в тех нелегких условиях, какие предложит — и уже предлагает — реальная история. Сегодня тернистый путь вперед — это развитие в условиях низкой рождаемости, нулевого, а еще более вероятно, отрицательного естественного прироста и постоянного значительного притока мигрантов.

Отдает ли себе в этом отчет российский политический истеблишмент? Ведь от него во многом зависит, будет ли Россия готова ответить на новые — и очень суровые — вызовы времени или растратит силы, а главное, стремительно уходящее время на погоню за иллюзорными целями, на попытки вернуть невозвратимое. Пока никакой продуманной демографической стратегии в стране не существует, ни о каком прорыве никто не думает. В реальной политике преобладает тактика мелких уступок контрмодернизационному давлению или, когда речь идет об иммиграции, — тактика глухой обороны.

Так серьезные сражения не выигрывают. Так их проигрывают.